

АМЕЛИЯ
БОРН

ТАЙНАЯ
СЕМЬЯ
МОЕГО МУЖА

Амелия Борн

Тайная семья моего мужа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68475439

SelfPub; 2022

Аннотация

Впереди меня в очереди стояла красивая девушка. До меня донесся ее дребезжащий от волнения голос:– Мне звонили из вашей больницы... у вас находится Вячеслав Терехов...– А вы?– Я его жена!Мое сердце сорвалось с места и полетело куда-то в ноги. Незнакомка назвала своим... моего собственного мужа! Шестнадцать лет вместе, двое детей, жизнь, которой завидовали многие – у нас с мужем была образцовая и прочная семья. По крайней мере, мне так казалось до того страшного дня, когда Слава попал в ДТП и по приезде в больницу я обнаружила, что наша семья у него вовсе не единственная...Но и это оказалось еще далеко не все, что он от меня скрывал...

Амелия Борн

Тайная семья моего мужа

Глава 1

Кухня блестела.

Я с усталой удовлетворенностью обвела ее критическим взглядом, еще раз проверяя, чтобы нигде – ни на столешнице, ни на технике, ни на единой поверхности не осталось ни пылинки, ни пятнышка.

Это являлось моей навязчивой идеей: я была просто повернута на чистоте. Малейшее загрязнение сразу же заставляло меня испытывать чудовищный дискомфорт и, конечно же, подлежало немедленному уничтожению.

Но в этот раз дело было даже не только и не столько во мне: вечером мы с мужем ожидали в гости свекровь. А Марина Александровна, как любая уважающая себя представительница данного семейного подвида, не слишком-то меня жаловала. И мне совсем не хотелось сгореть от стыда, если она решит, что у меня в доме недостаточно чисто.

Я с облегчением выдохнула, когда после десятого по счету осмотра убедилась, что кухня находится в состоянии безупречной белизны и чистоты. И в этот момент поняла, что вот уже целых полчаса не слышала никаких звуков из комнаты младшей дочери, которая до этого усердно чихала и кашляла, умоляя оставить ее сегодня дома и не водить в школу.

Деликатно постучав, я приоткрыла дверь в ее спальню и невольно улыбнулась, застав весьма ожидаемую картину: Яна сидела с книгой в руках, напряженно сжимая обложку пальцами, нетерпеливо бегая глазами по строчкам...

– Ну как ты тут? – поинтересовалась я, подходя ближе и с нарочитой озабоченностью прикоснулась ладонью ко лбу дочери.

Она тут же старательно прочистила якобы простуженное горло, страдальчески простонала:

– Не очееень...

Я показательно покачала головой, но на самом деле раскусила ее хитрость еще утром: дочка сказалась больной только для того, чтобы остаться дома и дочитать книжку.

Читала она много и жадно, в чем явно пошла в своего отца. Иногда я беспокоилась о том, что с такой тягой к чтению она неминуемо посадит себе зрение, но в целом мы со Славой оба потворствовали ее увлечению: среди современных детей тяга к книгам вообще была редкостью. Ну а с Яной можно было даже не волноваться о подарке на любой праздник: она заранее составляла для всех родственников списки книг, которые хотела бы получить.

– Боюсь, если тебе не станет легче, то придется вызвать врача, – произнесла я с сожалением, на что дочь мигом отреагировала:

– Не надо! Мне завтра наверняка станет лучше!

Я улыбнулась про себя: реакция была именно такой, на

какую я и рассчитывала.

– Что ж, посмотрим, – только и произнесла в ответ.

И, по привычке, окинула комнату дочери придирчивым взглядом. С губ сорвался обреченный вздох: тут, как всегда, был полнейший беспорядок. Книги валялись просто повсюду: на кровати, на столе, на подоконнике, не говоря уже про внушительный книжный шкаф, занимавший немалую часть комнаты.

– Ян, ну я же просила не разбрасывать вещи... Сегодня бабушка придет, увидит все это...

Мое оскорбленное чувство порядка потребовало немедленно расставить все по местам. Я протянула было руку к одной из книг, чтобы водрузить ее на полку, но Яна поразительно живо для своей роли больной подскочила с места и вскрикнула:

– Ничего не трогай! Я приберусь сама!

– Но ты ведь болеешь? – выгнула я вопросительно бровь.

– Мне уже лучше! Мам, ну не надо, пожалуйста! Ты все книжки расставишь неправильно!

Руки так и чесались взяться за дело, но я чудом заставила себя сдержаться.

– Ладно. Но тогда наведи порядок сама. Книги стоят весьма немало и не должны валяться где попало и как попало.

– Обещаю! – горячо выпалила дочь и я неохотно отступила.

Уже на пороге вспомнила, что так и не спросила ее, что

приготовить на обед, но вопроса задать не успела: где-то на кухне резко заголосил забытый мной смартфон.

– Подумай, что хочешь на обед, – кинула поспешно напоследок, отправляясь на поиски телефона, который, как ни странно при моей страсти к порядку, вечно где-то теряла.

Устройство обнаружилось аж на самой верхушке холодильника – видимо, положила его туда, чтобы не мешал мне намывать все прочие поверхности в доме.

Номер на экране оказался незнакомым. Обычно такие звонки я не принимала, но звонивший человек оказался весьма настойчивым...

После очередной захлебывающейся трели я все же подняла трубку.

– Алло?

– Лидия Терехова?

Незнакомый голос звучал отстраненно и официально: таким обычно сообщают самые дурные вести. Я не могла сказать, откуда знала это, но внутри вдруг родилась пугающая уверенность: я услышу сейчас что-то страшное...

Внутренности скрутило болезненным спазмом, подушечки пальцев на руках резко похолодели и нервно запульсировали...

– Да, это я, – выдохнула после паузы и поймала себя на том что голос предательски дрожал.

– Вы только не волнуйтесь... – произнесла моя собеседница и в этот миг стало окончательно ясно: как раз именно

для волнения у меня имелись все причины.

– Кто вы? Что случилось? – нервным, требовательным тоном прервала ее я.

– Вас беспокоят из второй городской больницы... ваш муж попал в ДТП...

Все дальнейшее отложилось в моей памяти лишь урывками, какими-то призрачными, разрозненными картинками.

Хотя, казалось, осознанно делала все, что нужно: позвонила маме, прося приехать и присмотреть за Яной. Держала лицо перед дочерью, не желая пугать ее раньше срока плохими новостями. Собралась в больницу, предварительно вызвав такси...

Обыденные, машинальные действия, которые, тем не менее, совершала, как в тумане. Потерянная, оглушенная, напуганная...

Даже несмотря на то, что меня уверили – муж находится в стабильном состоянии. Но лишь одна мысль о том, что все могло кончиться куда как менее благополучно... доводила меня до трясучки.

В больницу я приехала едва живая: ворвалась в приемную на трясущихся ногах, со взбесившимся сердцем и сбившимся дыханием...

Но худшее было, как вскоре выяснилось, еще впереди.

Передо мной в очереди стояла девушка: молодая, стройная, очень красивая. И, похоже, столь же нервная, как и я

сейчас, потому что ее речь была сбивчивой, а голос нервно дребезжал, когда она заговорила:

– Мне звонили из вашей больницы... у вас находится Вячеслав Терехов...

Я замерла, услышав родное имя.

– А вы?.. – донесся до меня вопрос.

– Я...

Девушка запнулась на миг, но следом уверенно выпалила:

– Я его жена!

И в этот миг мне показалось, что мое сердце сорвалось с места и с грохотом полетело куда-то в ноги...

Глава 2

Тело сотрясала дрожь.

Она, как по цепочке, перекинулась с рук – на плечи, добралась до челюсти, нырнула в грудную клетку и постепенно охватила весь организм.

Меня трясло. Трясло так сильно, что трудно было не то, что вымолвить хоть слово, а даже сделать обычный вдох. На грани панической атаки я наблюдала за тем, как незнакомка что-то еще спрашивает, как ей отвечают... но совершенно не понимала, не разбирала больше слов.

Вероятно, даже не выясняя подробностей, я просто уже всей душой, всем своим существом понимала, что именно произошло.

Такое короткое, но такое страшное слово...

Измена.

Слабость и беспомощность накатили волной, смывая все мысли, все цели, с которыми вообще сюда приехала... словно жизнь разом потеряла всякий смысл.

Захотелось вдруг оглянуться, посмотреть себе за спину в поисках поддержки, отыскать глазами мужа, который всегда был моей силой, моей опорой. Но Славы рядом, конечно же, не было. Больше того – именно он был причиной моего нахождения здесь...

Здесь. В больнице.

Послышался какой-то задушенный, глухой звук – я даже не поняла, что он исходит от меня самой. Тело обмякло, поползло вниз, словно больше мне даже не принадлежало, не управлялось мной...

– Вам нехорошо?

Кто-то спешно подскочил ко мне, подхватил под руки, а я только жадно хватала ртом воздух, отчего-то отчаянно пытаюсь дышать... Но зачем?..

Незнакомка, от которой я не отводила взгляда все это время, наконец обернулась, привлеченная поднявшимся вокруг меня шумом. Ее глаза удивленно, испуганно расширились. Я поняла, что она меня узнала.

А вот я о ее существовании даже и не подозревала до этого дня.

Не в состоянии отвести глаз, я смотрела, как она подносит ко рту дрожащую руку, как пятится к выходу, отступая...

Ее слабость словно придала сил мне самой. Удивляясь собственному поведению, я неожиданно выкрикнула:

– Нет! Стойте!

Она потрясенно замерла, тоже шокированная моим криком. Медсестра, на которую я опиралась, помогла мне выпрямиться. На трясущихся ногах я сделала шаг вперед, поражаясь тому, что все еще могу двигаться, хотя все, чего хотелось – это просто умереть.

От того, что понимала – это конец. От того, что сознавала – мне не тягаться с этой женщиной...

Молодая, эффектная, красивая даже сейчас, когда ее лицо было искажено испугом и неловкостью... На ее фоне я ощущала все свои тридцать пять так, словно их было в три раза больше. Словно каждый прожитый год был гирей, тянувшей меня ко дну...

И все же что-то толкало меня к ней навстречу. Возможно, желание понять...

Но понять что?..

Все ведь было и так предельно ясно.

– Кто вы? – не проговорила – прокаркала, оказавшись в непосредственной близости от нее.

Ее глаза забегали, заметались по сторонам, словно она тоже ждала от кого-то помощи. Спасения. От меня и моих вопросов.

– Вы назвались женой моего мужа.

Она прикусила губу, обняла себя за плечи и снова сделала

шаг назад. Я – шагнула за ней следом.

– Это... просто ошибка.

– Смотрите мне в глаза!

Она вздрогнула. По нежной, идеально гладкой коже резко покатались слезы. Теперь уже ее трясло, а мое тело одеревенело, словно перестав вообще жить.

– Мне очень жаль... – пробормотала она.

– Жаль чего?

Ядовито-едкий тон был таким непривычным, чуждым для меня, словно и не я произносила эти слова, словно это был и не мой вовсе голос.

– Просто мне позвонили... простите... я не могла иначе.

Не могла не приехать... вы не должны были...

– ...ничего знать, – закончила я за нее.

Само собой, – пронеслось в голове отравляющей мыслью. Жены узнают о таком последними.

– И давно это... у вас с ним?

Вопрос слетел с губ против воли. На самом деле я не хотела слышать ответ, но словно желая себя саму добить, зачем-то произнесла вслух то, что меня пугало.

– Я думаю... вам лучше спросить обо всем у него самого!

Простите...

Она резко сорвалась с места, выбежала из больницы, а я...

А я осталась стоять на месте, только теперь осознав, что все кругом слышали этот разговор. Были свидетелями моего позора. И это делало случившееся каким-то особенно реаль-

ным и болезненным, лишая шанса на малейший самообман.

Хотелось спрятаться от сочувствующе-любопытных взглядов, укрыться от них руками, как щитом. Я провела ладонью по лицу, словно так можно было удержать на месте закипавшие в глазах слезы...

Все, чего желалось сейчас – это развернуться и уйти. Но как вернуться домой, к дочерям, как объяснить им все это?.. Как рассказать, что их обожаемый отец не просто в больнице... но и что я понятия не имею о том, как он?..

Было унижительно подходить снова к стойке и называть себя женой Вячеслава Терехова после того, как это уже сделала другая женщина. Но выбора у меня не было.

Сгорая от стыда и ощущения на себе чужих, жадных до скандалов взглядов, я приблизилась. Рот искривился в дерганной, нервной, неловкой улыбке. Губы разомкнулись, готовясь задать вопрос...

Но делать этого, к счастью, не пришлось. Словно посочувствовав мне, женщина за стойкой произнесла первая:

– Терехов в стабильном состоянии. Можно сказать, что он легко отделался. Но сейчас к нему нельзя...

Я коротко кивнула, выражая этим жестом одновременно понимание и благодарность. И, больше не медля, едва сдерживаясь от того, чтобы не перейти на бег, пошла прочь.

Прохладный воздух ударил в лицо, как только я оказалась снаружи. Сделав судорожный вдох, устало прикрыла глаза. Короткая передышка...

Перед тем, что ожидало меня впереди.

Глава 3

Как добралась до дома – позже не могла вспомнить и сама.

Кажется, шла куда-то, не разбирая дороги, заложив дрожащие руки в карман старого плаща. Думала... не хотела, но против воли все думала о том, как теперь изменится привычная жизнь. Сочиняла в голове, что скажу мужу, когда появится такая возможность. Воображала, как он станет раскаиваться...

А может, и не станет. Логика была неумолима: эта женщина считала себя вправе явиться к нему в больницу и назваться его женой. Они были близки достаточно, чтобы она знала обо мне, знала меня в лицо.

Нет, как бы ни хотелось утешиться, как ни мечталось обмануться, но было абсолютно ясно: это случилось не вчера. И длилось не день и не два...

Возможно, месяцами. Или даже годами. Всеми теми годами, когда я без остатка отдавала себя семье, в это же самое время мой муж...

Горло сдавил спазм. Я упрямо сглотнула тяжелый, колющий ком – казалось, если только позволю себе эти слезы, потом попросту не сумею собраться. Не смогу все это выдержать...

А ведь дома ждали дети. И как бы ни было мне сейчас плохо, как ни было невыносимо, а я должна была думать в

первую очередь – о них. Как делала это всегда.

Возможно, даже чересчур.

Взгляд уперся в залатанный карман плаща. Стало настолько себя жаль, что захотелось выть...

Но я проглотила и это.

Худшее, что только могла представить, ожидало меня дома.

Именно сейчас, когда хотелось спрятаться ото всех, исчезнуть, не слышать никого и ничего... Именно сейчас на кухне меня поджидали – мама и, конечно, свекровь. Девочек с ними, к счастью, не было.

Я скинула с себя плащ, медленно расшнуровала кроссовки, давая себе возможность сделать вдох перед тем, как все неминуемо накинется на меня с вопросами.

– Где девочки? – спросила, входя на кухню и ощущая на себе вопросительные, тревожные взгляды двух пар глаз.

– Яна спит, а Алина у себя, делает уроки, – ответила мама.

– Вы им сказали?

– Нет.

– Хорошо.

Я действительно ощутила некоторое облегчение: сейчас не было никаких сил на столь тяжелый разговор. Возможно, лучше вообще пока ничего не говорить об аварии – это здорово поберегло бы и мои нервы, и нервы дочерей.

– И это все, что ты можешь сказать? – с нескрываемой

претензией в голосе накинута на меня свекровь. – Могла бы хоть позвонить из больницы!

Я прикрыла глаза, собираясь с ответом. А она, тем временем, продолжала:

– И вообще, почему ты не с ним? Тоже мне, жена!

Губы задрожали от обиды, тело снова затряслось, как в припадке. Я подняла на нее глаза, в которых плескалась боль, скрыть которую не было никакой возможности. Хотелось кричать. Выкрикнуть ей прямо в лицо, как поступил со мной ее сын. Как он меня предал. Как растоптал в ответ на то, что я отдала ему всю свою жизнь.

Но рядом были дочери, которым не следовало всего этого слышать. И я снова проглотила собственные желания и потребности, запихнула боль глубоко внутрь, не позволяя ей вырваться наружу.

– К нему не пускают.

– Тебе все равно следует быть рядом!

– Где? Лежать под дверью его палаты на коврик, как какая-нибудь собака?

От собственного сравнения, такого болезненно-точного, стало еще обиднее, еще нестерпимее. Я ведь так и жила все эти годы, именно как собака: бесконечно преданная, охраняющая свой дом и свою семью...

А что в ответ?..

– Давайте не будем ссориться, – мягко вмешалась в наш разговор мама.

– Ты права.

Я перевела дыхание, ощущая, как нервная дрожь прокачивается по горлу, царапает внутренности... Добавила решительно:

– Я не хочу, чтобы девочки знали. Скажу им попозже, когда все нормализуется...

– Скажешь что?

Алина появилась на пороге кухни так внезапно, что я вздрогнула, словно меня застали врасплох за чем-то дурным.

Старшая дочь стояла, глядя на меня хмуро, почти обвиняюще, со скрещенными на груди руками.

Снова отчаянно захотелось обернуться, поискать за спиной мужа, попросить помощи... но помочь мне было некому.

– Что... папа уехал в командировку, – после мучительной паузы нашлась я.

Она окатила меня таким презрением во взгляде, как умеют, наверно, только подростки, которые считают, что родители ничего не понимают.

– И зачем это скрывать? – поинтересовалась она, прищурившись.

– Незачем, – согласилась я, сглотнув. – Просто я думала вы спите и...

– Ты врешь! – неожиданно выкрикнула она, прибавив меня этим криком к полу. – Зачем ты врешь?!

– Я не...

– Я знаю, что он в больнице! А ты его там бросила!

Я стояла, словно оплеванная и побитая, держась на ногах из последних сил. Слов больше не было...

– Папа в больнице? – раздался еще один испуганный голосок.

Яна обнаружилась в коридоре. Стояла неподалеку, сжимая обеими руками любимую мягкую игрушку и смотрела на меня расширившимися от страха глазами.

Глава 4

Нервотрепка из-за аварии, пережитое потрясение от встречи с любовницей мужа, перенесенное там же, в больнице, унижение, несправедливые обвинения от близких и просто бесконечная усталость от этого чудовищного дня, тяжелой ношей легли на плечи, придавили к земле, лишая остатков сил...

Словно сквозь слои ваты я слышала голоса свекрови, дочерей и мамы – они сливались в один чудовищный гам, похожий на звуки растревоженного улья. Все они что-то спрашивали, чего-то от меня хотели... а я ощущала в этот момент только одно: мои жизненные ресурсы резко иссякли.

Хотелось сползти на пол и просто заплакать. Хотелось, чтобы хоть кто-то заметил меня, заметил мою боль. Но вместо этого...

– Хватит! – вдруг перекрыл гул комнаты резкий окрик.

Все потрясенно уставились на меня. Я вздрогнула, осознав, что это был мой собственный крик.

В наступившей тишине удалось сделать спасительный,

столь необходимый мне сейчас, вдох. Невероятным усилием воли я заставила себя сдвинуться с места, подойти к младшей дочери и успокаивающе ее обнять.

– Да, Ян, папа в больнице. Но с ним ничего страшного. Говорят, буквально пара царапин, потому что наш папа очень сильный. Так что давай ложись обратно спать, а утром мы ему позвоним и он сам тебе все расскажет, ладно?

Дочь кивнула, наморщила нос и сообщила:

– Но я сначала в туалет пойду.

– Иди.

Когда она отошла в уборную, мое внимание вновь перехватила старшая.

– Я тебе не верю, – заявила она вызывающе. – Я сама к папе поеду! Прямо сейчас!

С одной стороны, я понимала ее чувства: они с отцом были невероятно близки. Алина являлась, что называется, папиной дочкой. Он был ее кумиром, практически центром ее вселенной. Он обожал ее, безбожно баловал, а тяжкая функция воспитывать ложилась только на мои плечи. Порой я даже ощущала, что этим двоим больше никто и не нужен, словно, произведя дочь на свет, я уже выполнила свою задачу и дальше стала в их компании просто лишней.

– Никуда ты не поедешь, – попыталась я образумить бунтарку.

– Нет, поеду!

Это подростковое упрямство было сейчас совсем не тем,

что я готова была терпеть после всего пережитого.

– Выйдешь за порог – обратно не пущу, – сообщила в ответ ровным тоном.

– Ты бесчувственная и злая!

Выкрикнув очередное обвинение, Алина, всем своим видом показывая, как зла и обижена, громко протопала в свою комнату. Я – повернулась к матери и свекрови.

– Зачем ты так с ребенком? – тут же не преминула осуждающе прокомментировать Марина Александровна.

– Ребенку уже пятнадцать, – напомнила я ей. – И у меня нет желания вдобавок ко всему искать еще ее по городу всю ночь.

Марину Александровну, впрочем, тоже можно было понять: она наверняка переживала за сына и сильно перенервничала, отсюда и проистекала эта агрессия. Но кто в конце-то концов поймет меня?..

– Марина Александровна, я понимаю и разделяю ваши чувства, – произнесла омертвевшим голосом, – но у меня не было возможности позвонить. А вот вы можете поехать в больницу сами и все выяснить лично. Уверена, тогда вам станет спокойнее.

Свекровь только рот приоткрыла в ответ на это предложение, словно я не очевидные вещи говорила, а как минимум жестоко ее оскорбила.

– Так и сделаю, – сообщила она холодным тоном и я тайком выдохнула, когда входная дверь за ней громко хлопнула.

– Что-то еще случилось? – поинтересовалась озабоченно у меня мама, когда все наконец стихло и только бег стрелок на кухонных часах да бормотание холодильника нарушали воцарившееся в доме безмолвие.

С ломаной улыбкой я покачала головой. Конечно, мне хотелось рассказать хоть кому-то о том, что со мной произошло, но я уже заранее знала, что она скажет.

Нужно простить, Лида. Ему тоже непросто содержать семью. Мужчинам нужна отдушина. И посмотри на себя, ты наверняка что-то сделала не так, раз он изменил...

Нет, здесь мне точно не стоило ожидать никакой поддержки.

– Останешься на ночь? – коротко поинтересовалась у нее.

– Да, вдруг помощь понадобится...

Захотелось рассмеяться, выплеснуть наружу всю скопившуюся внутри горечь. А где была твоя помощь только что, мама? Где она была, когда была так мне нужна?

– Я тебе постелю.

Вот и все, что я произнесла вслух.

Двадцать минут спустя я наконец осталась одна.

Заперлась в ванной комнате с одним лишь жгучим желанием: встать под душ и смыть с себя весь этот трудный день. Всю эту боль. Хоть и понимала: это ни черта не поможет. И все, от чего хотелось сбежать сейчас, завтра тоже никуда не исчезнет... И все эти проблемы, что маячили на горизонте,

неизбежно придется как-то решать.

Но сейчас не хотелось думать о новом дне. Сбросив с себя одежду, я уже собралась было шагнуть в душевую кабину, но в последний момент замерла, кинув на себя взгляд в зеркало.

Выпрямившись перед ним, я пристально, тщательно вглядывалась в свое отражение. И чем больше смотрела, тем сильнее хотелось отвернуться, стереть собственный образ, перестать существовать...

Я выглядела... плохо. Короткие волосы, остриженные под каре не столько в угоду моде, сколько из соображений практичности, делали меня какой-то... простоватой. Со жгучим сожалением приходилось констатировать, что и лицо давно лишилось былой свежести, выглядело осунувшимся и усталым, и что хуже всего – уже подверглось закону гравитации. Морщинки на лбу и в уголках глаз, которых прежде даже не замечала, теперь казались огромными и пугающими. Возраст коснулся и шеи и, как ни горько было это видеть – груди, уже далеко не такой упругой, как прежде.

Конечно, все это случилось не вчера. Изменения копились годами, усугублялись недостатком ухода, и в итоге... я получила все это.

И ведь жила себе спокойно, принимая свой возраст, как данность, даже не замечая перемен во внешности: мне было попросту некогда об этом думать. Теперь же...

Теперь перед глазами так и стояло лицо той женщины: куда более гладкое и свежее, куда более красивое... И на фо-

не ее привлекательности, ее молодости, я казалась себе еще страшнее, еще уродливее, и каждый мелкий недостаток, что отмечала на своем лице и теле, разрастался в моих глазах до чудовищных масштабов...

Не отрывая взгляда от собственного отражения, обнаженная и уязвимая, я беззвучно заплакала.

Впервые за весь этот проклятый день.

Глава 5

Упругие струи били по спине, смешивались со слезами, и было уже не разобрать, где просто вода, а где – соленая влага. Обняв себя за колени руками, я сидела на полу душевой и... пыталась понять.

Пыталась понять, в какой момент моя жизнь свернула совсем не туда. Почему в ответ на все, что я отдала, получила такое – измену мужа, презрение старшей дочери, неприятие свекрови?..

Я ведь действительно всю свою жизнь положила на алтарь этого брака и семьи. Все, что я делала – делала только ради мужа и детей. Во многом себе отказывала, чтобы дать дочерям больше, лучше... а в ответ получила только смачный плевок. Прямиком в душу.

Я сидела, перебирая в голове все прожитые годы, все многочисленные жертвы... все то, чего никто не только не оценил – видимо, даже и не заметил. Моя молодость, мои лучшие годы, мои возможности – все это потонуло где-то на дне

семейной жизни, вместе с несбывшимися надеждами.

Было жаль всего того, что не сделала. Того, чего не достигла. Было жаль ушедших лет, потраченных, как казалось, на правильные вещи, а по факту – на того, кто этого не стоил...

Внутри шевельнулся какой-то протест, слепое нежелание верить, что угробила жизнь зря. Я поймала себя на том, что придумываю мужу какие-то оправдания, ищу объяснения... А может, просто пытаюсь мыслить трезво?..

Я ведь еще даже не говорила с ним. Может, все это какая-то ошибка. Может, эта женщина лишь выдавала желаемое за действительное...

Мысли метались в голове, пытаюсь зацепиться за что-то, способное спасти мой брак, но глубоко внутри я все равно понимала: эту ситуацию невозможно объяснить так, чтобы жить и впредь, как раньше. Если только не притвориться слепой, глупой, ничего не понимающей...

Я знала, как уязвима. Знала, что слаба. Но делать вид, что ничего не происходит, что ничего не знаю и позволять дальше себя обманывать... все это было мне глубоко противно. Просто потому что рушилась не только моя семья, но и моя вера во все то, чем жила до сегодняшнего дня. Вера в мужа. В то, что нас связывало...

Перевернув в голове очередную страницу, я вспомнила день, который изменил для меня все.

Шестнадцать лет назад

Руки дрожали, голова шла кругом.

До боли, до рези я всматривалась в тонкий кусок пластика. Не могла, не хотела верить тому, что видела. Все казалось – вот я сейчас зажмурюсь, а когда открою глаза снова – все это исчезнет, рассеется, как страшный сон.

Две полоски.

Две полоски на тесте на беременность. То, к чему я была совсем не готова. То, что пугало меня буквально до истерики.

Две полоски, способные перечеркнуть всю мою жизнь. Все планы, которые строила у себя в голове. Все надежды на лучшее будущее...

Слезы закипели в глазах, непонимание, как поступить, буквально сводило с ума. Сколько времени прошло с тех пор, как я позвонила Славе? Часы на руке говорили, что всего лишь полчаса, а мне казалось – вечность.

Но вот тишину квартиры разрезала трель дверного звонка. Я резко подскочила с места, сжала в кулаке ненавистный тест и понеслась к двери.

И только когда он – такой большой, высокий, сильный – шагнул внутрь, поняла – я ведь даже предположить не могу, как он отреагирует на мои новости.

Что, если развернется и уйдет? Скажет, что все это было на один раз? Гневно бросит, что это – только мои проблемы?

Я с ужасом представила, как расскажу все матери. И тут же поняла: она меня за такое просто убьет.

– Ну что тут у тебя случилось? – деловито поинтересовался Слава после того, как чинно и аккуратно повесил свою куртку на вешалку.

У меня не было сил на долгие предисловия, от гложущей изнутри нервозности уже не попадал зуб на зуб. Поэтому я только всхлипнула:

– Вот...

И молча протянула ему тест.

Я наблюдала, как он сжимает пластик двумя пальцами, но было отчаянно страшно взглянуть ему в лицо и прочесть там свой приговор.

– Вот оно как, – проронил он задумчиво и я буквально застыла, ожидая, что он будет делать дальше. Понимала: от него одного сейчас зависит моя дальнейшая судьба.

– Ты ведь... ты говорил, что все под контролем, – пробормотала беспомощно, когда он так и не добавил к сказанному больше ни слова.

Как же глупо я поступила, поддавшись на его уговоры и уверения, что он знает, что делает! И вот итог... после первой же близости. Здесь, на тесте.

– Так случается, – пожал он плечами с совершенно спокойным видом.

Меня затрясло сильнее.

– Случается?! И что мне теперь с этим делать?!

Он сжал тест в своей сильной, крупной ладони и на его лице расцвела вдруг нежданная, счастливая улыбка.

– Будем рожать, – заявил он уверенно.

– Ты что... рад?

Это не укладывалось в голове: такой реакции на внезапную беременность я от него не ожидала точно.

– Очень, – уверил он в ответ и, сграбастав меня в свои крепкие объятия, поцеловал. Так, что от этого поцелуя голова пошла кругом еще сильнее.

В груди расцвело теплое, приятное чувство. В этот момент, видя, как он радуется тому, что могло принести нам только сложности, я влюбилась в него заново. Даже сильнее, чем тогда, впервые, когда он вступился за меня перед университетскими хулиганами и сразу же стал моим героем.

Воспоминание об университете отрезвило. Дело ведь было не только в реакции Славы на эту новость, но и в том, что я совсем не была готова сейчас к материнству...

– Подожди... – попросила, уворачиваясь от очередного поцелуя, который способен был свести с ума. – Послушай... А как же...

– Поженимся хоть завтра, если хочешь, – перебил он меня, окончательно застав этим врасплох.

– Нет! То есть... я совсем не об этом...

– Нет? – переспросил он. – А вот знаешь, та рыжая с параллельного потока наверняка бы сразу согласилась...

Он дразнил меня, заставляя ревновать, пробуждая эмоции, о которых и не знала до него...

Казалось, что до него и вовсе ничего не было. Первая лю-

бовь, первый мужчина, первый защитник... я ощущала себя в его объятиях мягким тестом, из которого он мог лепить все, что ему только захочется...

И все же сейчас противилась тому, что он, кажется, для себя уже решил. И как бы ни был мне важен тот факт, что он вовсе не собирался бросать меня и сбегать, я хотела быть услышанной. Понятой...

– Слав... но как же универ? – поинтересовалась робко.

Он отмахнулся.

– Возьмешь академический. Или перейдешь на заочное...

– Но я не хочу, – отважилась озвучить свои мысли вслух. –

Я подумала... может быть...

– Договаривай.

– Сделать... аборт?

Он дернулся – так резко, будто я его ударила. Отрезал решительно:

– Ты не убьешь моего ребенка!

– Но я не готова... сейчас. Я хочу получить нормальное образование, выстроить карьеру...

Его тон тут же смягчился, он нежно провел по моей щеке чуть шершавой наощупь подушечкой большого пальца...

– Не волнуйся, я сумею обеспечить нас обоих. Точнее, всех троих. Тебе не придется работать...

– Но я...

– Лид, ты меня любишь?

Этот вопрос меня смутил. Но я понимала, что он и так

уже все знает сам...

– Люблю... – призналась чуть слышно.

Но этого было достаточно. Слава удовлетворенно улыбнулся:

– Тогда ты родишь мне этого ребенка...

Его тон был ласковым, но я ощутила, что в этих словах ясно прозвучал ультиматум...

Глава 6

Следующее утро началось с того, что на меня со всего размаху кто-то... упал.

Я испуганно подскочила в постели: резко разбуженная, ничего не понимающая спросонья. В первый момент показалось, что это запрыгнул на постель кот, но быстро стало ясно, что для кота гость был все же тяжеловат.

Точнее, как выяснилось, гостя.

– Мам, пора вставать! – громким шепотом огласила распластавшаяся на мне Яна.

Я кинула взгляд за окно: темно, хоть глаз выколи. Значит, еще даже не наступил рассвет. Кинув жалобный взгляд на часы на прикроватной тумбе, обнаружила: шесть утра.

– В чем дело? – поинтересовалась хриплым после недавнего сна голосом.

Рука сама собой потянулась на вторую половину кровати, где обычно спал муж, и тут я все вспомнила.

События вчерашнего дня обрушились на голову одним чудовищным комом, придавили к постели, заставляя почув-

ствовать себя разбитой, сломанной...

– Ты обещала, что мы позвоним утром папе! – все тем же шепотом заявила дочь. – Уже утро!

Хотелось застонать. Убежать. Скрыться от всего, что предстояло вскоре решать. Всего, что как-то нужно было... пережить.

Пережить – ключевое слово во всей этой ситуации. Я совсем не была уверена, что сумею это сделать.

– Но еще слишком рано, – возразила Яне, с сожалением понимая – все равно уже придется вставать с постели и как-то прожить грядущий день.

– Обещала – выполняй, – раздался от двери насмешливый, полный чего-то едкого, невысказанного, голос.

Алина застыла в дверном проеме, сложив на груди руки, словно всей своей позой, каждой чертой лица, кидала мне вызов.

Я ощутила, как защемило сердце. Она была моим счастьем и моей болью. Я выстрадала в свое время с ней столько, что хватило бы на целую жизнь. И никак не могла понять, почему в какой-то момент дочь, так тесно ко мне, казалось, привязанная, словно бы перестала меня принимать?.. Даже отторгала, словно я была для нее чем-то инородным, неприятным...

Я списывала все на переходный возраст. Но сейчас впервые задумалась, а не было ли для такого поведения еще каких-то, неизвестных мне, причин?

– Обещала – выполню, – ответила твердо и, щелкнув переключателем ночника, зажгла в комнате свет. – А чтобы мы перешли к этому побыстрее, возьми сестру и отведи на кухню. Поставьте молоко греться, а я пока соберусь...

Меня снова окатили презрительным взглядом.

– Почему это я должна...

– Потому что я так сказала!

Я поразилась собственной резкости, слетевшей с губ. Но удивительное дело: она все же возымела свой эффект. Фыркнув, Алина взяла Яну за руку и, стащив с кровати, повела на кухню.

Я осталась одна. Блаженные секунды одиночества, о котором прежде могла только мечтать, теперь же... теперь оно заключало в себе слишком много отравляющих душу мыслей. Тех, с которыми так страшно было остаться один на один.

Нехотя подойдя к зеркалу, я кинула на себя лишь мимолетный взгляд: не было никаких сил видеть все недостатки, которые с такой болью разглядывала накануне. словно если не смотреть на них – их словно бы и не существовало...

– Какую кашу сварить? – поинтересовалась я, входя в кухню, где девочки, чинно рассевшись на стульях, смотрели дружно в одну точку – на плиту, на которой грелось молоко.

– Я не буду, – тут же ошетибилась Алина.

– Я не хочу кашу, – недовольно поморщилась Яна.

– Хорошо, тогда пойдете в школу голодными, – пожала плечами я.

Кудахтать над ними сегодня не было никаких сил.

– Разве мы не поедem к папе? – огорченно спросила Яна.

– А ты уже не болеешь? – вздернула бровь я.

– Мне стало лучше!

– Потому что ты и не болела, да ведь?

Я произнесла это и тут же ужаснулась собственным словам. Впервые позволила себе так открыто обозначить, что прекрасно знаю все дочкины хитрости...

Наступила тишина. И в этом безмолвии укол совести, последовавший за произнесенным вслух упреком, был еще болезненнее, еще мучительнее.

– Я обещала, что мы позвоним папе, а не поедem туда, – нарушила молчание первой. – К нему, возможно, до сих пор нельзя...

– Но мы хотим к папееее, – тут же захныкала младшая.

А мне нечем было утешить ее. Я даже не была уверена, что мы вообще ему дозвонимся.

Но к моему удивлению, когда мы набрали ему некоторое время спустя, Слава тут же ответил на видеозвонок.

– Мои принцессы! – воскликнул, заведя дочерей, склонившихся к экрану.

– Папа, тебе больно? – сразу же озабоченно поинтересовалась Яна.

– К тебе можно? – следом спросила Алина.

А я стояла в стороне и ощущала... что вовсе не уверена в том, что, случилось со мной что-то – и обо мне кто-то пе-

реживал бы так же сильно. Я самой себе казалась сейчас не просто лишней, а вообще... невидимкой.

И как только вообще до такого дожила?..

Они переговаривались некоторое время, засыпая друг друга вопросами, прежде, чем до меня донесся голос мужа:

– А где наша мама?

– Я здесь, – откликнулась сухо, взмахнув рукой из-за спин дочерей.

Можно подумать, что были какие-то иные варианты, – с горечью промелькнуло в голове. Когда я вообще куда-либо выбиралась в последний раз?.. Хотя бы даже одна, не то, что вдвоем с мужем...

– Приеду к тебе попозже. Что-нибудь взять?

– Возьми наших девочек, – тут же заулыбался он. – Ну и всякое, по мелочи... сама знаешь, что обычно надо.

– Ладно, – кивнула коротко.

По всей видимости, выбора мне просто не оставили. Снова. В присутствии дочерей выяснять у мужа, что это была за женщина, было не самой лучшей идеей.

Возникло даже малодушное желание отложить этот разговор, или сделать вид, будто и вовсе ничего не знаю...

Но ведь тогда я совсем спущу в унитаз собственную жизнь, уже и без того, как выяснилось, сотканную из обмана... и больше я так не хотела.

Впервые за много лет во мне зарождался протест. Похоже, измена мужа обнажила многое из того, на что я прежде

закрывала глаза...

Например, на то, в кого так стремительно превратилась.

– Я договорился об отдельной палате, – сообщил нам Слава, когда мы прошли к нему и оказались в этих больничных хоромах.

Внутри все походило на какую-нибудь гостиницу советских времен: старомодная мебель, небольшой телевизор на стене. И все же подобные удобства стоили, конечно, денег. И наверняка немалых.

Я вспомнила о своем зашитом кармане и лицо исказилось в горькой гримасе. Хотелось расхохотаться, высмеять собственную жертвенность и уступчивость...

Все те качества, что во мне вращивали годами.

Я стояла чуть поодаль, у окна, позволяя отцу и детям общаться друг с другом. Снова хотелось пустить все на самотек и не заводить разговора, который меня так дико пугал, но в какой-то момент я вдруг услышала собственный голос:

– Девочки, пора. Алина, возьми Яну и отвези ее домой. Присмотри за сестрой до моего возвращения.

– А ты? – спросили три голоса разом.

– А я останусь, чтобы поговорить с папой.

– Лид, но как же они одни поедут? – неодобрительно возразил муж, всем своим видом выказывая несогласие.

– Алина уже взрослая, справится, – отрезала я.

– А меня спросить не забыли? – тут же набычилась стар-

шая.

– Меня тоже о многом не спрашивают, – ледяным тоном отрезала я. – Но приходится делать то, что должно.

Бросив на меня ненавидящий взгляд исподлобья, Алина все же взяла младшую сестру за руку и вывела ее из палаты.

– Ну и как это понимать? – хмуро поинтересовался у меня муж.

– У меня у тебе тот же вопрос, Терехов. Вчера я видела здесь, в больнице, женщину, которая назвалась твоей женой. Как это понимать?

Глава 7

Возможно, стоило начать совсем не так. Завести разговор о чем-то другом. Поинтересоваться в первую очередь, как пристало хорошей жене, его самочувствием. Узнать об аварии...

Но у меня не было сил на пустые разговоры. На никому ненужное притворство. На заботу и терпение, которые все равно никто, видимо, не оценит.

Внутри меня болело. Пульсировало нарывом. Все незаданные вопросы, неуточненные детали, неясное будущее. Мне было жизненно необходимо вскрыть эту рану, чтобы, может быть... выжить. Или погибнуть от этой заразы. Но главное – больше не мучиться. Не терзаться. Не тонуть в собственной рефлексии.

Впервые за всю свою семейную жизнь я захотела что-то для себя. Самой простой вещи. Честности.

– Агния... – произнес муж после продолжительной паузы.

Ее имя из его уст прозвучало так, что меня буквально обожгло этим словом. Каждая из пяти букв вошла в сердце ударом кинжала, заставляя его кровоточить и погибать...

Я порывисто отвернулась, зажмурилась, пытаюсь пережить этот самый невыносимый, самый болезненный миг. Поднесла руку к переносице, сильно сжала, словно это могло как-то мне помочь стерпеть эту боль, сдержать режущие глаза слезы...

Нет. Не помогло.

С губ сорвался полувсхлип-полусмех. Горький, такой невыносимо горький, что его привкус остался стоять во рту.

– Что, даже отрицать не будешь?

Хотелось кинуть это насмешливо-едко, но вышло дрожаще-жалобно. И в этот момент я ненавидела себя даже сильнее, чем тогда, в ванной, перед зеркалом.

– А какой смысл? – спокойно откликнулся муж.

Я вжала ладонь в рот, до боли прикусила кожу, лишь бы наружу не вырвалось застрявшее в горле рыдание.

Как же обыденно он говорил обо всем этом! Словно это было чем-то самым собой понимающимся: завести любовницу на стороне, когда дома ждет преданная, готовая для него на все, жена.

А может, так оно и было на самом деле? Может, я сама повела себя так, что заслужила все это, сама позволила так с собой обращаться?..

Но еще больнее было сознавать, как трепетно он произносил ее имя. Как какую-то молитву, как сам гимн любви. Обращался ли он хоть когда-нибудь так ко мне? Относился ли с таким же чувством?..

Я с ужасом поняла, что, по сути, он ведь даже мне не лгал. То, что я годами принимала как сдержанность и неспособность проявлять эмоции в открытую, на самом деле могло быть просто... равнодушием.

Какое страшное, пугающее слово. И какой слепой нужно было быть, чтобы ничего не замечать! Чтобы принять предложенную, навязанную мне жизнь и раствориться в ней полностью!

– Почему раньше не сказал? – спросила сдавленно. – Зачем продолжал со мной жить... зачем я...

Слова застряли в горле, но я упрямо вытолкнула их наружу:

– Зачем я тратила на тебя свою жизнь?

Резкий, оглушительный звук заставил меня вздрогнуть – это Слава гневно шарахнул кулаком по тумбочке.

– Затем, что у нас семья!

Я ощутила, как что-то защекотало мне горло. Нет, на сей раз – не слезы. Смех – разъедающий, издевательский хохот, который вырвался наружу, а я и не пыталась его сдержать.

– Семья? – переспросила хрипло, каркаяще. – Та самая, от которой ты бегал к своей любовнице? Как давно, кстати? Месяцы? Или...

– Несколько лет, – глухо признался он.

Я покачнулась, словно мне одним махом подрезали ноги. Несколько лет... Несколько чертовых лет лжи, обмана, предательства. Несколько лет, которые могла потратить на себя саму.

– Значит... все, – выдохнула сквозь зубы. – Конец...

Что-то скрипнуло позади меня: муж поднялся с постели, подошел ко мне со спины. Такое привычное ощущение, будто он заслоняет, защищает меня собой ото всего мира... Оно казалось мне таким необходимым все эти годы. Теперь же... в его фигуре, нависающей надо мной, впервые почудилось что-то угрожающее, чужеродное...

– Какой еще конец? – резко, грубо поинтересовался он.

– Развод... – только и сумела вытолкнуть из себя единственное слово.

Сильные, мощные руки развернули меня так, что я оказалась с ним лицом к лицу. Он смотрел на меня напряженно, вглядывался в мои черты, словно пытался понять, серьезно ли я это говорю. И, осознав, что это не шутки и не игра, свистящим и резким, как удар кнута, тоном, отрезал:

– Развода не будет.

– Что, прости?

Он говорил это так уверенно, совершенно не оставляя сомнений – он снова решил за нас двоих, как тогда, много лет назад. Он решил – а что думаю я, его абсолютно не волновало.

Не говоря уже о моих чувствах.

– Никакого развода, – жестко повторил он. – Если бы я этого хотел – ушел бы уже давно.

– А чего хочу я – тебя не волнует?! – выкрикнула ему в лицо, более не сдерживаясь. Да и не в состоянии была этого сделать: меня трясло от его самоуверенности, его наплевательства, его уверенности в том, что я все приму, как есть.

И от обиды. Разрывающей на части обиды за то, что потратила жизнь на того, кто в ответ мне дал только боль...

– А что тебя не устраивает? – пожал он плечами. – У тебя все есть...

– Все есть?!

С губ сорвался смех, но по лицу неконтролируемо потекли слезы. Я с остервенением дернула на себе свитер – все еще выглядевший свежим благодаря бережному обращению, но который носила уже не один сезон.

– Посмотри, в чем я хожу! Посмотри, как ты относишься ко мне!

Хотелось выплюнуть ему в лицо еще кучу обвинений, всего того, что терпела, но слова захлебнулись в рыдании. Только руки все так же, припадочно, дергали старый свитер, пока не послышался жалобный треск – одежда поползла по шву...

– Ты все равно никуда не выходишь, – все тем же ровным тоном возразил он. – К тому же, деньги я тебе даю исправно – могла бы купить, что тебе нужно! Не мне же за тебя по магазинам ходить!

Эти обвинения, которые он так нагло в меня кидал, буквально парализовывали. Он дает мне деньги! С этим не поспоришь. Вот только двум растущим дочкам требовалось все больше и все чаще, и зачастую я предпочитала что-то купить для них, желая обеспечить самым лучшим, жертвуя при этом собственными потребностями...

– С меня хватит, – постановила решительно, разворачиваясь к двери.

Сильные пальцы перехватили мою руку, сжали до боли, словно предупреждая.

– Лида, не дури. Развода не будет. Мои дочери не будут расти в неполной семье...

Его дочери. Какое неприятное, отвратительное выражение. Но, похоже, очень верное.

– Так, может, мне вас втроем и оставить? – бросила ему резко, вырывая свою руку из захвата с неизвестно откуда взявшейся силой. – Будете жить одной большой семьей с твоей этой Агнией...

Он пригвоздил меня к месту тяжелым взглядом. Раненый хищник – и от этого еще более опасный.

– Я тебя предупредил, – вонзилось мне в спину напоследок.

Глава 8

Домой возвращаться не хотелось.

Просто я знала: у меня не было сейчас никаких сил, чтобы притворяться перед всеми, будто ничего не случилось. Что

жизнь идет своим чередом, что все по-прежнему. Конечно, никто не мог видеть, что творилось у меня внутри: кровоточащее сердце не просматривается сквозь внешние слои, но что было делать с собственным взглядом, через который наружу рвалась разбитая душа?

Но и сказать домашним все так, как есть, я пока не могла тоже. Просто не представляла, как сумею вынести ту бурю, что поднимется в семье при одном только слове «развод». Понимала прекрасно: слишком ранена, слишком уязвима сейчас, чтобы выстоять под всеобщим давлением...

Я медленно шагала по направлению к центру, зябко засунув руки в карманы все того же плаща: было не столько холодно снаружи, сколько от той изморози, что окутывала, захватывала душу изнутри – шаг за шагом, секунда за секундой...

Сводящий с ума, пряный аромат внезапно коснулся ноздрей, заставив меня заозираться по сторонам в поисках его источника. Он обнаружился довольно быстро: запах тянулся из кофейни, мимо которой я проходила.

Желудок жалобно заурчал, я инстинктивно сглотнула. Как давно я не бывала в таких местах? Не покупала вот так, чисто спонтанно, кофе?

Когда-то, помнится, намекала мужу на то, чтобы иногда выбираться в такие вот заведения вдвоем, но Слава лишь возразил: к чему тратить деньги на такую ерунду, когда можно сварить кофе самому, дома? И просто купил кофеварку.

А я так и не смогла объяснить ему, что все дело даже и не в самом кофе вовсе...

Поддавшись какому-то внутреннему протесту, я порывисто свернула к дверям кофейни: отчаянно захотелось побаловать себя хоть чем-то, пусть даже это была всего лишь чашка кофе...

Всего лишь... для многих, но не для меня.

Я жадно бегала глазами по меню, написанному мелом на доске, висящей над стойкой, когда рядом раздался знакомый, но уже почти забытый голос...

– Лавандовый раф, пожалуйста.

Я резко обернулась, в груди заклокотала радость, какая бывает от встречи с тем, кого уже и не надеялся увидеть...

– Лен! Лен, это ты?

Я подалась ближе к стоявшей у кассы девушке, и она с удивлением повернулась на мой голос.

– Привет, – произнесла как-то настороженно.

Мне захотелось шагнуть ей навстречу, крепко обнять... но выражение ее лица заставило резко скуситься, сдержаться искренний порыв...

Она внимательно изучала меня несколько мгновений, а потом, словно что-то для себя решив, со свойственной ей прямоотой, выдала:

– Удивлена, что ты меня окликнула.

Я моргнула, не зная, как реагировать на эти слова. Что же было удивительного в том, чтобы радоваться встрече с

давней подругой?..

Или... бывшей подругой. Я даже вспомнить не могла, когда вообще видела ее в последний раз. Да что там видела – когда просто говорила с ней.

– Присядем? – предложила она, кивая на один из столиков.

Я утвердительно качнула головой, чувствуя себя при этом, однако, неуютно. Просто видела: что-то явно не так. И не была уверена, что стоит навязывать Лене свое общество.

– Я только... заказ сделаю, – пробормотала поспешно, осознав, что так ничего и не выбрала.

Вспомнилось, что заказала Лена. Взгляд метнулся к меню, и от цены на этот кофе меня даже замутило. Но любопытство по отношению к чему-то неведомому и желание сделать хоть что-то для себя самой, заставили меня сказать:

– Мне тоже этот раф... Лавандовый. Пожалуйста.

Когда я подошла к столику, Лена уже успела скинуть с себя верхнюю одежду. Я тоже стянула с плеч плащ, но вдруг вспомнила о порванном свитере. Неловко опустившись на стул, я стыдливо уложила плащ на коленях так, чтобы он прикрыл позорную дыру сбоку.

– Ну что, как твои дела? – вежливо поинтересовалась Лена, обращая на меня взгляд голубых глаз.

Ответ на этот вопрос так и застрял в горле. Врать не хотелось, а признаваться вот так, сходу, в том, что вся моя жизнь в одночасье рухнула... казалось чем-то постыдным и

неуместным.

– Да нормально, – наконец выдавила из себя и, чтобы она не восприняла это за нежелание с ней общаться, поспешно добавила:

– Яна уже ходит в школу... А у Алины наступил переходный возраст... ну, знаешь, как это бывает...

Я через силу улыбнулась, но улыбка явно вышла вымученной.

Лена задумчиво посмотрела на меня и, откинувшись на спинку стула, заметила:

– Все это, конечно, хорошо, но вообще-то я спросила, как дела именно у тебя.

Она особенно выделила последнее слово.

– Я... да все как обычно... как у всех...

– Ясно.

Ее тон ясно давал понять: она не верит ни единому моему слову.

– Выглядишь... усталой, – заметила подруга после паузы с явным неодобрением в голосе.

Вдруг склонившись ко мне ближе, она шепнула:

– Если тебя держат в плену и зверски мучают – просто подмигни...

Это было произнесено легко и шутливо, но меня вдруг... прорвало.

Я с ужасом услышала, как из моего собственного рта вдруг помимо воли вырвалось рыдание. Ощутила, как тря-

сутся в припадке плечи, а я сама ничего не могу с этим поделать. Словно не контролирую собственное тело...

– Господи!

Судя по скрипу стула, Лена резко вскочила со своего места. Ее знакомые, родные в прошлом руки, обняли меня за плечи, притянули к себе...

От этой доброты, этого равнодушия стало еще нестерпимее, еще горше, еще жалче себя саму. Как давно никто не обнимал меня так, никто не утешал...

Я не знала, сколько вот так проплакала в ее надежных объятиях, но смогла отстраниться только тогда, когда слезы наконец иссякли, оставив после себя лишь пустоту.

– Спасибо, – выдохнула хрипло, неловко отворачиваясь. – И прости... у меня был сегодня... тяжелый день.

Она снова присела напротив меня, я кожей ощущала на себе ее озабоченный взгляд. С души вновь поднялась волна благодарности, и я смущенно, но со всей искренностью, призналась:

– Слушай... я так рада, что снова тебя встретила. Мне тебя... не хватало.

Я не увидела, но ясно почувствовала: она смотрит на меня с изумлением. Это подтверждал и ее тон:

– Но ты ведь сама отказалась со мной общаться!

Меня словно ледяной волной окатило. Теперь уже я пораженно на нее уставилась:

– Как?.. Когда?..

– Да еще года три назад! – выпалила она возмущенно. – Я пришла к вам в гости на твой день рождения, дверь открыл Слава и заявил, что ты не хочешь меня видеть. Чтобы больше тебе не звонила...

По позвоночнику пробежал холодок.

– Я даже не знала... что ты приходила.

– Вот как...

Мы непонимающе, недоуменно смотрели друг на друга. Наконец Лена хмуро проронила:

– Но ты ведь могла мне позвонить... сама. Раз он сказал неправду...

– Я потеряла твой номер, – произнесла задумчиво, начиная уже догадываться о том, что именно произошло. – Он просто исчез из моего телефона вместе со всеми переписками. Я думала, что ты сама не хочешь больше общаться, раз не звонишь, не приходишь...

– Вот козел! – выпалила, не стесняясь, Лена. Так громко и эмоционально, что подошедший с нашими двумя рафами официант испуганно вздрогнул и поспешил ретироваться.

А Лена продолжала пылать возмущением:

– Вот никогда он мне не нравился, Лидка! До чего он тебя вообще довел?!

И в этот момент я поняла, что больше просто не могу молчать.

Глава 9

Мы разошлись пару часов спустя.

На душе стало не то, чтобы легче, но, определенно, теплее. Оказалось, что мне отчаянно не хватало возможности поговорить с кем-то о себе же самой. О собственных чувствах. Откровенно, без прикрас, без попытки создать иллюзию благополучия.

И вместе с тем усилилось чувство обиды и... гадливости. От того, что муж так поступил. От того, что лишил последнего близкого человека, буквально заперев тем самым исключительно внутри семьи, как зверушку – в клетке...

А ведь еще недавно я и не поверила бы всему этому, встретить я Лену на пару дней раньше. Я ведь доверяла мужу. Я его... любила. И стань он все отрицать там, в больнице... возможно, даже позволила бы себя обмануть. Но он повел себя... иначе. Он преподнес все как норму, как будто во всей этой ситуации не было ничего необычного, ничего предосудительного.

Поднявшись на свой этаж, я остановилась у двери с ключами в руках. Уперлась лбом в прохладный металл, сделала глубокий вдох... и, словно со скалы вниз прыгала, ринулась вперед, навстречу неминуемой буре.

В квартире было подозрительно тихо, только на кухне горел свет. Разувшись, я неторопливо прошла туда, замерев на пороге от представшего зрелища...

Мама сидела за столом. Она склонилась над шитьем: в руках у нее было что-то из старых вещей девочек. Ловко орудуя иглой, она латала уже негодную ни на что одежду, а мое

горло вдруг словно невидимый обруч стиснул.

Я смотрела на нее, но смотрелась словно бы в зеркало. И видела себя саму, только много лет спустя. Видела жизнь, к которой так безропотно шла годами, направляемая, как на поводке...

– Ты еще не уехала? – спросила, с трудом совладав с собственным голосом.

Она подняла на меня глаза, поправила очки и пожала плечами.

– Ну кто-то же должен за девочками приглядывать, пока ты где-то ходишь.

Упрек попал в самое сердце. В голове мелькнула догадка...

– Ясно. Слава тебе звонил?

– Ну нельзя же их одних оставлять!

– А где они, кстати?

– Яна у себя. Алина ушла гулять...

– А что ж ты с ней-то не пошла? – не удержалась я от того, чтоб съязвить. – Разве можно в пятнадцать лет гулять без присмотра?

Мама тяжело вздохнула, отложила шитье, сосредоточив все внимание на мне.

– Ох, не нравишься ты мне, Лида...

Внутренности стиснула невидимая холодная рука. Мне не хотелось обижать ее резкостью, но так и тянуло выкрикнуть: «ну конечно! Вас всех ведь устраивает только когда я покор-

но молчу!»

– Значит, и про развод уже знаешь, – попыталась я произнести со спокойствием, которого вовсе не ощущала.

Ее молчаливое неодобрение все еще ранило, будто я была до сих пор ребенком, желающим заслужить похвалу, огорченным из-за того, что не сумел угодить.

– Ты бы не торопилась с такими решениями, – заметила она наставительным тоном. – У вас же семья, дети... ты о них подумала?

Да я только о них всю свою жизнь и думала! И что мне это принесло в итоге? Хотелось кинуть этот вопрос ей в лицо, но я понимала: это ведь результат моих собственных ошибок. Моей слабохарактерности.

– А чего ждать? – сказала вслух вместо этого. – У него любовница. Он этого даже не скрывает...

– Ну и что с того? Все мужики гуляют. Думаешь, отец твой налево не ходил? Ходил. И все равно мы семью сохранили. Ради тебя, между прочим!

«А я вас об этом просила?!» – рвался наружу крик, но я его проглотила.

– А может, не стоило? – откликнулась, перехватив ее взгляд. – Может, всем было бы лучше, если бы вы разошлись?

Я задавала эти вопросы ей, но обращалась словно бы к себе самой.

– Может, не было бы этих пьяных ссор? Побоев? Твоих

слез по ночам в подушку? – добавила, вспоминая все то, что наполняло мое детство день изо дня.

И главное: ведь все это воспринималось, как данность. Мама все терпела, все сносила, все прощала, и от того казалось, будто все это – в порядке вещей. Я вдруг поймала себя на мысли о том, что даже я сама принимала ее жертвенность, как норму. Не придавала ей значения, потому что она сама поступала именно так.

Возможно, и со мной все вышло точно так же? Я сама превратила себя в то, обо что все вытирали ноги.

– А ты чужую жизнь не суди! – нарушил ход мыслей мамин голос. – Что же это за семья такая, если после первой же проблемы бежать разводиться?

Первой же? Захотелось громко рассмеяться, выпустить через смех наружу всю ту горечь, что снова скопилась внутри, бурля и отравляя.

Я вспомнила, чему она учила меня с самого начала моей семейной жизни: мужчина в доме – главный. Его надо уважать, его надо слушаться. Ему надо всячески угождать, чтобы не увели...

Но этот рецепт не работал. Я уважала, любила, угождала. И как это мне помогло? Что дало?

– В наши времена, между прочим, куда сложнее было! – снова заговорила мама. – Я и работала, и вас всех обслуживала! А ты сидишь дома, ничего не делаешь... да тебе ноги Славкины целовать за это надо!

Я слушала ее, сознавая – она ведь все это всерьез. Она и в самом деле так считает...

– Ты что, действительно хочешь, чтобы я прожила всю жизнь, как ты? – вырвался наружу крутившийся в голове вопрос. – Чтобы была такой же несчастной?

А ведь все к этому и шло. Может, верно говорят, что мы невольно повторяем путь своих родителей? Словно за нас уже все предрешиено...

– Несчастной! – всплеснула мама руками. – Несчастной ты будешь, если на развод подашь. Лида, ну ты сама головой-то подумай! Ты ведь уже немолодая. Тебе тридцать пять лет! А у тебя ни образования, ни опыта работы... зато двое детей на шее! Кто тебя, такую, еще раз замуж возьмет?

Я стиснула зубы: ее слова попадали аккурат по болевым точкам, усиливая мои собственные страхи. Она озвучила все те вопросы, что я и сама себе задавала. И ответов на которые откровенно боялась...

А мама продолжала:

– Славка ведь с тобой как порядочный человек поступил! Женился на тебе, когда залетела, работал, как проклятый... А мог ведь и бросить, и что бы ты тогда делала? А он тебя дома усадил, живешь как у Христа за пазухой, не работала и дня в своей жизни...

Я осознала: для нее все, что она перечислила, было и в самом деле настоящим подвигом со стороны моего мужа. Потому что мама привыкла к худшему, и от того моя жизнь ей

казалась каким-то раем...

Но от этого не переставала быть адом для меня самой. Просто у каждого свое собственное понятие об этом.

– То есть, на тебя мне рассчитывать не приходится... – проговорила задумчиво. – Если уйду – к себе непустишь?

Она стыдливо отвела глаза.

– Прости, Лида... но Слава просил глупости эти твои не поддерживать...

– Ясно.

Я вышла из кухни, прошла в спальню, спеша скрыться от посторонних глаз. Замерев у окна, стояла, вглядываясь в огоньки чужих окон...

Но мамины слова все еще звучали в моих ушах, причиняя мучительную боль.

Как же она была неправа...

Несколько лет назад

Я напряженно вглядывалась в экран ноутбука: его белесое мерцание больно резало глаза в окружавшей меня беспросветной темноте кухни.

Размеренно тикали часы на стене; с улицы доносились приглушенные голоса – судя по всему, мимо проходила подвыпившая компания.

Я листала одну вакансию за другой, все больше приходя в отчаяние с каждой секундой. Становилось ясно: без хоть какого-то образования мне не найти никакой работы, кроме самой черной.

Вывод напрашивался сам собой – образование нужно было получить. Но самой сложной задачей было убедить в необходимости этого мужа.

Слава категорически возражал против того, чтобы я начала работать. Настаивал на этом даже в самые сложные времена, когда нам трудно пришлось с Алиной и денег не хватало ни на что категорически.

Я помогала ему тайком, потому что не могла спокойно наблюдать за тем, как он устает. Почти не спит. Вечно отсутствует дома... и финансово тащит на себе все те проблемы, что так внезапно и жестоко на нас навалились.

Я стала подрабатывать по ночам: выполняла работы за бывших однокурсников, анонимно писала статьи в местную газету... Это приносило копейки, но по крайней мере я знавала, что пытаюсь. Что делаю хоть что-то.

Жаль, что теперь прежняя подработка была больше недоступна. И не оставалось ничего иного, как искать и строить себя заново.

подавив вздох, я обреченно закрыла крышку ноутбука. Все бесполезно. Да и скрывать свои стремления мне попросту надоело, лишь мечтая по ночам о том, чтобы заняться чем-то, кроме домашней рутины...

А значит – не было иного выбора, кроме как поговорить с мужем.

И я знала, что этот разговор будет очень тяжелым.

– Я приготовила твой любимый омлет.

Я с улыбкой поднялась мужу навстречу, когда он утром появился на кухне – точный, как самые надежные часы.

Так привычно подошел в первую очередь к свежесваренному кофе, налил себе чашку и, выпив ее практически залпом, хмуро поинтересовался:

– Ну и что тебе от меня требуется?

Раскусил, стало быть. Вот так, сходу, легко и просто. Порой казалось даже, что он читал меня, как открытую книгу и даже понимал лучше, чем я себя сама.

– Поговорить хотела, – произнесла мягко, ставя перед ним тарелку, от которой еще шел пар: омлет был готов ровно ко времени, когда Слава вставал.

– Ну говори.

Я устроилась напротив него. Волнуясь, несколько секунд неловко мяла пальцами краешек скатерти, не зная, с чего начать. И в конце концов практически скороговоркой выпалила:

– Я на работу устроиться хочу... но подумала, что сначала было бы неплохо восстановиться в университете... конечно, прошло много времени, но, возможно, ты мог бы поспособствовать...

Раздался звон, от которого я невольно дрогнула: Слава резко отбросил от себя вилку. Поморщился, как от зубной боли. Тяжело вздохнул, словно был вынужден объяснять что-то непонятливому человеку по десятому кругу.

– Лид, ты же знаешь мои принципы. Никакого кумовства.

– Знаю...

Я и в самом деле это знала. Более того – восхищалась этим его качеством. Во времена, когда совесть легко покупалась и продавалась, честность и неподкупность мужа казались мне настоящим чудом.

– Ладно... – произнесла после возникшей между нами паузы. – Я могу поступить заново, если нужно...

Его тон стал мягким. Терпеливым, словно говорил с капризным ребенком.

– Родная, что тебе делать среди юных студентов? Тебе ведь тридцать скоро... над тобой будут шутить и издеваться... Как раньше, помнишь? А я уже не смогу тебя защитить.

Мне стало неуютно от воспоминаний, которые он во мне возродил. В голову невольно закрались сомнения в собственном желании получить высшее...

– Ты столько пропустила, – продолжал спокойно раскладывать по полочкам муж. – Тебе сложно будет начинать все заново. Да к тому же совмещать это с воспитанием ребенка. Конечно, с Алиной сейчас все уже в порядке, но она по-прежнему в тебе нуждается. И я хочу, чтобы моя дочь получила максимум внимания и заботы...

Он замолчал, давая мне возможность осмыслить его слова. Сердце защемило от того, как он говорил об Алине. Как волновался. Как важна была для него наша семья...

– Я плохо тебя обеспечиваю? – спросил Слава после

небольшой паузы. – Я ведь все для вас делаю...

Стало стыдно. Совсем не хотелось выглядеть в глазах мужа неблагодарной. А создавалось, по-видимому, именно такое впечатление...

– Дело не в этом... – предприняла было попытку объяснить свои мотивы, но он перебил внезапным вопросом:

– Знаешь, о чем я мечтаю, Лидушка?

Я молча заглянула ему в глаза в ожидании продолжения.

Он поднялся из-за стола, подошел ко мне ближе и обнял сзади...

– Хочу, чтобы ты мне еще одного ребеночка родила...

Сердце замерло на мгновение, а после – резко подскочило к горлу. Нет, не так. Оно взмыло куда-то ввысь, словно на невидимых, но ясно осязаемых крыльях...

То, как он произнес эти слова – на грани мольбы и нежности – не оставило мне никаких шансов на то, чтобы сказать решительное «нет»...

Глава 11

За спиной резко, громко, не таясь, распахнулась дверь.

Я отвернулась от окна: сколько так простояла, глядя на улицу вниз, не знала и сама. Просто смотрела куда-то, не видя при этом ничего – только прошлое, которое теперь, в свете всех событий и открывшихся тайн, обрело какие-то новые, уродливые черты. Словно обнаружила вдруг двойное дно там, где все казалось простым и прозрачным. Словно с глаз спали пресловутые розовые очки, обнажая истинную

суть вещей...

– Ты серьезно с папой разводиться собралась? – резко и грубо кинул голос за моей спиной.

Алина. Порывистая, прямолинейная... и, похоже, совершенно меня неуважающая.

Я кинула на нее взгляд из-за плеча, размеренно проговорила:

– Я, похоже, плохо тебя воспитала. Что ж... никогда не поздно попытаться еще раз. Выйди отсюда и, будь добра, зайди только тогда, когда я разрешу. И не забудь предварительно постучать.

Она уставилась на меня широко раскрытыми глазами, даже челюсть начала медленно ползти вниз. Но дочь быстро пришла в себя, пренебрежительно фыркнула:

– Еще чего!

Я неторопливо отошла от окна, направилась к постели и принялась сосредоточенно, аккуратно ее расстилать.

– Тогда, боюсь, диалога у нас не будет, – обронила между делом.

И буквально кожей почувствовала, как эти слова взбесили Алину.

Она подскочила ко мне ближе, встала у кровати и едва ли не выкрикнула, как капризный ребенок, пытающийся всеми способами обратить на себя внимание:

– Ответь на вопрос!

Я выпрямилась, смерила ее взглядом с головы до ног.

– Кто дал тебе право так со мной говорить?

– Как хочу – так и говорю!

Внутренне захотелось взвыть. От всей этой ситуации, от нежелания поступать с собственным ребенком так, как тому противилась моя натура...

Но что еще мне было делать?

Я сократила расстояние между нами до минимума, молча взяла ее за локоть и повела к двери.

– Сначала научись себя нормально вести.

Она яростно выдернула руку из моего мягкого зажима.

– Если вы разведетесь, я уйду вместе с ним!

Наверно, это была угроза. И она попала в цель: ранила сердце матери, отдавшей своему ребенку абсолютно все. И ничего не просившей взамен. Никогда.

Даже сейчас.

– Это твое право, – попыталась проговорить спокойно. – Ты уже взрослая и можешь выбирать, с кем тебе оставаться. Только сначала узнай – а захочет ли та, другая женщина, чтобы ты с ними жила?

Теперь уже я ее ранила и это ясно читалось в ее темных, горящих вызовом и протестом, глазах. Мне было больно от того, что больно ей. Но вся эта ситуация была такова, что безболезненно не могла пройти ни для кого из нас.

– Она наверняка хорошая, раз папа ее выбрал! – выпалила Алина гневно, но сердце мое мучительно защемило, потому что я ясно видела: ее глаза блестят от слез, которые она из

упрямства и гордости сдерживала. Словно проще было умереть, чем выказать передо мной эту слабость.

И – продолжала бить, продолжала ранить от этого еще отчаяннее, еще сильнее.

– А ты... ты – жалкая! Мне вообще стыдно, что ты моя мать!

Она выкрикивала все это, выплескивала на меня, совершенно не думая о том, что делает. Лишь желая вот так, открыто и одновременно – завуалированно, проорать о своей собственной боли, своем разочаровании.

– К твоему сожалению, я была, есть и всегда буду твоей мамой. Другой у тебя уже не может быть.

Она жадно вобрала в легкие воздуха, словно намереваясь плюнуть в меня очередной порцией словесного яда, но задохнулась, будто не найдя, что сказать. Чем задеть...

– Да пошла ты!

Выдав это, дочь порывисто выскочила за дверь – так же зло и внезапно, как ворвалась сюда. А я зажмурилась, ощущая, как дрожат веки в попытке сдержать слезы, как клокочет в груди от обиды и непонимания – за что?..

И это ведь было только еще начало...

Звонок Лены следующим утром застал меня на кухне.

Алина ушла в школу одна: демонстративно, не говоря ни слова, даже не позавтракав. Я физически ощущала, как теряю ее, а может, потеряла уже давно. И не понимала: что мне

с этим делать, как к ней подступиться?

Я не привыкла к откровенным беседам, к открытости в отношениях между детьми и родителями. Я делала для своих детей все, но не умела с ними разговаривать, потому что никто и никогда не говорил со мной...

И это, наверно, пора было исправлять.

– Привет, – произнесла в динамик, чувствуя, как теплеет в груди от того, что подруга обо мне не забыла. Не вычеркнула из головы, едва мы только разошлись по домам, вернувшись каждая – к собственной жизни.

– Да, привет, – быстро проговорила она.

На фоне я расслышала какой-то шум, чей-то механически-безразличный голос заученно объявлял о посадке на рейс...

– Лид, я в аэропорту – полетела в командировку, поэтому быстро... Я тут знаешь, о чем подумала?

– Ммм? – только и успела промычать в ответ.

– Ты бы это... в документах у своего козла покопалась, пока его нет. Он же у тебя, помню, как Кощей: все бумаги свои внимательно охраняет. Стало быть, там вполне может найтись что-то интересное.

– Я об этом и не подумала... – призналась негромко, чувствуя себя растерянно и обескураженно от поданной ею мысли.

– А ты подумай! Все, я побежала, целую крепко!

Ответить на это я уже ничего не успела: Лена стремитель-

но отключилась, оставив после себя лишь обрывистые гудки.

Я нащупала за своей спиной стул, присела, не полагаясь на собственные ноги. А ведь действительно: Слава всегда тщательно вел документацию, но никогда не допускал меня к ней, говоря, что мне не стоит вникать во все эти юридические сложности. Он был настолько педантичен и скрупулезен, что я не раз замечала, что он даже ведет блокнот, куда записывает все свои траты – даже самые мелкие...

Но никогда прежде не заходила на его территорию. И даже сейчас копаться в чужих бумагах казалось мне чем-то низким, грязным и неправильным...

Но разве я не имела права переступить эту черту после того, как со мной поступили?..

Поднявшись с места, я направилась в нашу общую спальню, все еще неуверенная до конца в том, как поступить. Подошла к шкафчику, где муж хранил свои документы, попыталась выдвинуть полку и... поняла, что она не поддается. Отсек был заперт на ключ. А самого ключа нигде не было видно.

Изнутри поднялась тревожная удушающая волна. Показалось вдруг жизненно важным вскрыть этот замок, любой ценой добраться до содержимого полки...

Едва отдавая себе отчет в собственных действиях, я, действуя будто на автомате, отыскала инструменты мужа и через некоторое время услышала чудовищный треск...

Моргнув, с удивлением поняла, что причина этого звука

– я сама. Точнее то, что я сделала – выломала полку с силой, которой в себе и не подозревала...

Рука потянулась к увесистой папке, но едва я успела ее раскрыть, как позади раздался гневный рев:

– Какого черта ты делаешь?!

Муж, хоть и прихрамывая, неуклонно надвигался на меня смертоносной лавиной. От испуга я выронила папку из рук и бумаги взметнулись вокруг меня белоснежным ворохом...

Словно в трансе, как замороженная, я проводила их взглядом и в одной из них разглядела то, что повергло меня в шок...

Договор купли-продажи.

Глава 12

– Что... это?..

Я механически наклонилась, подняла с пола и сжала дрожащими пальцами бумагу...

Первым в глаза кинулось имя. Агния.

Муж оказался рядом стремительно и быстро – настолько, словно у него появились какие-то нечеловеческие силы...

Он вырвал документ из моих рук, но я уже успела пробежаться по нему глазами и все понять...

Это была лишь копия. Копия договора на покупку квартиры на имя этой самой его Агнии...

Закружилась голова, воздух в легких встал колом, непроходимым потоком...

Нетрудно было догадаться: эту квартиру, хоть и оформ-

ленную на ее имя, купил ей именно он. Ведь далеко неслучайно он хранил здесь, среди всех своих важных документов и учета расходов, эту бумагу.

– Ты не имела права сюда лезть!

Его голос полоснул по нутру ножом, пробежался морозом по незащищенной коже...

– Я, похоже, вообще никаких прав в твоём понимании не имею. А, нет, одно все же есть: прислуживать вам всем и быть благодарной за эту возможность. Так?

Он ничего не ответил. Лишь, неловко раскорячившись в виду травмы, принялся сгребать свои драгоценные бумажки обратно в папку. Я же стояла, наблюдала за этим и видела перед собой не того, с кем прожила чуть ли не полжизни, а какого-то... незнакомца. Жуткого, чужого, пугающего.

А впрочем... ведь не случилось ничего нового. Это был все тот же человек. Просто все те качества – и хорошие, и плохие, что в нем были – теперь впервые обернулись против меня самой.

Наверно, стоило испугаться. Возможно, уступить и отступить. Но во мне вдруг проснулось что-то новое; встрепенулось, поднялось со дна души...

– Ты купил ей квартиру? – спросила помертвевшим голосом.

– Это не твое дело.

– Мое!

Он с удивлением поднял голову от бумаг, уставился на ме-

ня, как на собаку, посмевавшую куснуть своего хозяина.

– Это – мое дело. Потому что ты потратил столько денег на эту женщину, в то время, как я...

Я задохнулась от обиды, возмущения, горечи, навалившихся на меня тяжким грузом. Говорить было трудно, слова буквально обжигали горло, с трудом складываясь в осмысленные фразы...

– В то время, как я хожу в обносках!

– Я тебя к этому не принуждал.

– Но ты все видел! Ты мог обратить внимание, предложить что-то купить... дать больше денег, в конце концов! А я же... я ведь тебя жалела! Ничего не просила, думая, веря, что ты и так все отдаешь нашей семье... а ты...

– Лида, кончай ты эти истерики.

Он произнес это спокойно, с какой-то даже... досадой. Выпрямился, держась рукой за шкаф, поморщился – то ли от боли, то ли от недовольства. Посмотрел на меня тяжелым взглядом, равнодушно отчеканил:

– Твои крики ничего не изменят. Я поступил так, как посчитал нужным.

Его непробиваемое безразличие, его уверенность в собственных действиях, ранили куда глубже, чем все, что случилось до этого, вместе взятое. Что может быть страшнее, чем вдруг обнаружить, что отдала всю жизнь человеку, которому на тебя плевать?..

– Значит, дальнейшие разговоры будем вести в суде.

Удалось произнести это почти спокойно, хотя внутри меня всю трясло.

– Я ведь тебе сказал уже – никакого развода...

– Мне плевать, что ты сказал! Так же, как тебе плевать на мои чувства и потребности!

Нервно заправив волосы за ухо, я провела трясущейся рукой по лицу, пытаюсь успокоиться. Направилась было к выходу, потому что говорить было больше не о чем, но Слава скалой вырос на моем пути.

– Давай я тебе все разъясню, раз ты до сих пор не поняла, – проговорил он тоном учителя, отчитывающего нерадивого ученика. – Ты же без меня – никто, Лида. У тебя ничего нет. Ты даже ни на что способна, кроме как махать шваброй! И если будешь дальше настаивать на своем, имей в виду – останешься без всего. Без детей. Без денег. Даже без жилья. Потому что, если помнишь, на эту квартиру деньги давала моя мать. И я легко докажу это в суде. Ты ничего не получишь...

Он рисовал страшные перспективы, давил на психику своей силой, своей властью надо мной...

Но не учел одного: мне не было страшно все потерять, потому что у меня, как оказалось, ничего никогда и не было. Ни настоящей семьи, ни любви, ни поддержки...

– Значит, буду продолжать махать шваброй, – ответила ему раздумчиво и заметила, как он заметно расслабился, словно уже праздновал свою победу.

Я добавила:

– Только уже не для тебя. Не бесплатно. А за деньги.

Обойдя его, я направилась напрямиком в прихожую. Вслед мне донеслось:

– Я заставлю тебя передумать!

В его голосе звучало предупреждение. Такое, что я невольно содрогнулась, осознав – мне следует быть готовой буквально ко всему...

– Я ухожу, – крикнула ему в ответ. – Не забудь забрать Яну из школы!

Произнеся это, я вышла за дверь. Руки дрожали, внутри бушевало нечто страшное – то вспыхивал мучительный пожар, то пробегал парализующий мороз.

Мне было страшно. Страшно выходить за пределы своей клетки, в незнакомый прежде мир... Но я поняла вдруг, что хочу жить. Так отчаянно хочу жить, а не умирать с каждым днем в оковах семьи, которая не то, что меня не любила, а вообще не считала за человека...

Ветер ледяным дыханием пробрался под легкий плащ, как только я вышла из дома. Я невидящим взглядом осмотрелась по сторонам, побрела вперед без точной цели назначения. Просто хотела свободно дышать. Просто желала оказаться подальше от всего этого кошмара – хотя бы на несколько часов...

Обратно я вернулась уже поздним вечером. Пешком поднялась по лестнице, пытаюсь морально подготовиться к то-

му, что ждало меня дома...

Но все равно оказалась не готова к тому, что увидела.

С нарастающим ужасом и паникой, даже понимая всю бесполезность своих действий, я истерически пыталась вставить в замок свой ключ – только для того, чтобы убедиться в том, что и так уже видели глаза...

Слава сменил на двери замки.

Я осталась на улице – в самом буквальном смысле этого слова.

Глава 13

Непонимание, паника, холодящий душу страх – чувства, которые охватили грудную клетку, сжали меня, как в тисках.

Что делать? – первая мечущаяся в истерике мысль, пронзившая голову. На мне не было теплой одежды, в сумке – ни документов, ни денег. Но обо всем этом я подумала не сразу.

Первым прорывом – наивным и глупым – было просто позвонить в дверь. Я жала кнопку звонка – поначалу осторожно, даже робко, потом все интенсивнее и нервнее, пока не поняла – он попросту отключен, потому что никакого звука в ответ на мои манипуляции не было. Тогда я постучала – тихо, потом смелее... С нарастающим тремором, раскинувшимся от рук по всему телу...

Сквозь собственное тяжелое, рваное дыхание, удалось расслышать чьи-то шаги. Судя по поступи – тяжелой, медленной, словно человек волочил ногу, это был Слава.

Звуки замерли у двери – очевидно, он посмотрел в глазок.

И... тишина. А следом – снова шаркающие, неторопливые шаги, уже удаляющиеся прочь...

Я заколотила в дверь сильнее, раненая, как зверь, этим безразличием, этим холодным расчетом.

– Папа, кто там стучит? – раздался голосок младшей дочери, и сердце у меня закровоточило еще сильнее.

Так отчаянно не хотелось, чтобы она становилась свидетелем всего этого, чтобы переживала драму, в которой совсем не была виновата...

Но какой у меня был выбор? Мне попросту некуда идти. Мать – не впустит, Лена – в отъезде...

– Яна! – выкрикнула голосом, в котором ясно звучала дрожь. – Яна, это я, открой дверь!

Мелькнула мысль: возможно, Алина еще не дома. Если я ее дождусь, то, наверно, сумею как-то протиснуться, прорваться внутрь...

А что дальше?.. Я не знала.

– Ян, иди сюда! – раздался рядом голос старшей дочери и все во мне окончательно упало.

Она была дома. Она была заодно... с ним.

– Но там мама!

В голосе младшей слышался подступающий плач. Комок рыдания застрял в моем собственном горле.

Захотелось кричать, продолжать царапаться, бороться... но с кем?.. Слава был непробиваем. Алина – на его стороне. А Яну я просто не хотела нервировать своими отчаянными

воплями, всей этой чудовищной сценой – ей и без того было страшно...

Все так же беспомощно не отнимая ладоней от равнодушной, холодной поверхности двери, я сползла вниз, на пол. Несчастливая, преданная, напуганная.

Сколько так просидела на коврикe, словно бездомная собака – не знала и сама. Как не знала и того что делать в такой ситуации, у кого просить помощи?..

Через некоторое время наконец нашла в себе силы на то, чтобы нащупать в кармане телефон. Едва попадая дрожащими пальцами по клавишам, попыталась набрать номер подруги, но он оказался недоступен...

А следом телефон умер в моих руках – кончился заряд.

Найдя как-то сил в себе встать, я отошла, присела на ступеньки лестницы и, подтянув к себе колени, уткнулась в них и... тихо заплакала.

Раздавшиеся спустя какое-то время шаги заставили меня притихнуть и замереть. Наверняка кто-то из соседей...

К душе подступил жгучий стыд: кто-то стал свидетелем моего унижения и позора...

Я затаила дыхание в надежде, что человек не заметит меня и просто зайдет в свою квартиру, но через миг промедления шаги стали еще ближе, еще громче...

Кто-то положил ладонь мне на плечо, озабоченно спросил:

– Лидия... вы чего тут? Все в порядке?

Я узнала этот голос: сосед из квартиры напротив. Молодой еще совсем мальчишка... или мне так просто казалось, потому что помнила его еще ребенком?

Я замотала головой в ответ на его вопрос, не отрывая лица от колен – лишь бы не увидел мое состояние...

Но он настойчиво, с неожиданной силой, взял меня за подбородок, заставил посмотреть ему в глаза...

И, видимо, все сразу понял.

– Я сейчас разберусь, – проговорил решительно, начиная спускаться вниз по лестнице, явно направляясь к моей двери.

Смененные замки бросились в глаза и ему, потому что он мгновенно выругался:

– Вот козел!

Его занесенный над дверью кулак заставил меня бегом сбежать вниз за ним следом.

– Не надо! – взмолилась прерывающимся голосом. – Все... в порядке.

– В порядке?..

Он посмотрел на меня неверяще. Качнул головой, коротко резюмировал:

– Ни черта не в порядке!

Его взгляд уперся в дверь, потом снова перекинулся меня, словно он что-то тщательно взвешивал в голове.

– Идемте к нам, все мне расскажете, – постановил быстро, неуклонно.

– Нет, я...

Его рука сжала мой локоть – твердо, сильно, пресекая дальнейшие возражения.

– Или вы идете к нам, или я выношу эту дверь ко всем чертям и подниму на ноги весь подъезд. Выбирайте, что вам больше нравится, Лидия.

Глава 14

Он стоял у двери, прислушиваясь к звукам на площадке. Было тихо...

Выглянув в глазок, Терехов никого не обнаружил поблизости. Не доверяя собственным глазам и ушам, приоткрыл дверь, огляделся вокруг...

Пусто.

Внутри что-то дрогнуло, обеспокоенно кольнуло, всего лишь на короткий миг, но пошатнув, тем не менее, его уверенность в собственных действиях.

Он полагал, что жена, обнаружив смененные замки, наконец поймет, до чего довело ее глупое упрямство. Что позовет его, будет умолять ее впустить... А он не сразу, но пойдет на уступки, даст понять, что готов принять ее обратно...

Он ведь вовсе не хотел ей ничего дурного. Просто пытался напомнить, от кого она зависит и кого должна слушаться. Внезапные перемены в ней не просто ему не нравились – они его пугали. И откуда только взялась эта непокорность, эта неблагодарность, эта отчаянная принципиальность? Он

ее так не воспитывал.

Снова обведя взглядом площадку и пустые лестничные пролеты, он поморщился от досады. Куда она могла деться? Впрочем, еще не все потеряно: на дворе ночь, при ней нет документов, как нет и того, у кого она могла бы попросить помощи. Следовательно, она неминуемо вернется назад и все наконец встанет на свои места.

Рассудив так, он закрыл дверь и, не без труда развернувшись в сторону гостиной, столкнулся взглядами с младшей дочерью.

– Ты зачем выгнал маму?

Подбородок ее дрожал, но она гордо сдерживала слезы: вся в него.

– Я ее не выгонял, – произнес он мягко, наклоняясь к ней. – Мы с мамой просто играем в игру...

Голос его оборвался – неожиданная обида и осуждение в глазах дочери, об которые, как об стену, разбились все заготовленные им слова, помешали ему договорить.

– Ты со мной, как с дурочкой, не разговаривай! Мне уже семь лет!

Он понял, что сплеховал. И ведь в самом деле не заметил даже, как стремительно дочка не то, что выросла, а вообще повзрослела – прежде всего, в своих суждениях. И в этом она тоже была в него.

– Мама вернется, – твердо пообещал он дочери, сам не зная, что станет делать, если этого в итоге не произойдет. –

А ты... уроки сделала?

Она снова посмотрела на него этим взглядом, словно он был с другой планеты и нес какую-то непонятную ей чушь, а потом просто резко развернулась и... убежала. Хлопнула дверь ее комнаты, до него донесся ее надрывный плач...

Черт, и что ему было с этим делать?..

Нахмурившись, он побрел на кухню. Нашупав в кармане телефон, выискал в списке своих звонков контакт, названный «Жена 2». Скрепя сердце, нажал на вызов...

Когда она ответила после первого же гудка, сходу обозначил:

– Не приеду сегодня. Проблемы... тут.

С ноющим сердцем выслушал ответ. Сдавленно бросил:

– Привет передай. Пока...

И нажал на «отбой» раньше, чем тоска, сжавшая сердце колючей рукой, стала бы сильнее его. Так же, как все, что было связано с Агнией, неизменно превалировало над всем – его жизненными установками, принципами, силой воли...

– Пап, а мы ужинать будем?

Голос старшей дочери ворвался в мысли, выдернул из захвата мучительных, но приятных воспоминаний...

Он коротко обвел взглядом кухню: тут стоял полнейший беспорядок.

– Будем. Когда пригостишь, – постановил коротко.

– Я? – переспросила Алина с явным, но непонятным ему удивлением.

– А кто ж еще?

– А ты?..

– А я – устал и болен! Я, между прочим, был вынужден практически сбежать из больницы из-за того, что мать твоя ерундой какой-то страдает...

Алина нервно сглотнула. Глаза выдавали ее страх, ее беспокойство, которые она напрасно пыталась спрятать за резким тоном...

– Она же вернется? Ты говорил, что...

– Вернется, конечно! – отрезал жестко. – А теперь займись делом. Картошку свари, что ли...

Он развернулся, прихрамывая направившись в гостиную. И был совсем не готов к тому, что старшая вдруг упрямо последует за ним.

– Папочка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.